

ИЗЛОМ

ШаМаШ
БраМиН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ШаМаШ БраМиН

Излом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

БраМиН Ш.

Излом / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Ужас внутри нас, как скелет в шкафу. Не стоит его оттуда доставать. Но уж если довелось – берегитесь, последствия не обратимы, а наказание беспощадно. На корпоративный Новый год, тринадцать мужчин и женщин, коллектив небольшой фирмы, оказываются отрезанными от мира в уютном горном домике. Не случайно. В прошлом каждый из них был причастен к убийству. Но обстоятельства, скабрёзность и время, казалось бы, оправдали преступления. Теперь же призраки прошлого воскресли. Чувство вины, как чудовище, порожденное ночным кошмаром, выползает наружу из темных углов, чуланов, половиц горного домика. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

«Пора!». Кошка лениво подтянулась, нервно дернула хвостом и не спеша улеглась у стены. Миска была наполнена молоком. Рядом ароматно дымились кусочки куриного мяса. Но, есть совсем не хотелось.

– Муся, ты чего разлеглась? Ну-ка ешь, пока не скисло! – Славик протянул руку, намереваясь погладить густую черную шерстку. Кошка неохотно зашипела. Грузчик, в недоумении, отдернул руку.

– Что с тобой? Не узнаешь? – ласково спросил удивлённый Славик.

– Гнать ее надо. Взащей! – Вадик стоял у складских ворот и раздражённо докуривал сигарету. – От блохастой одни несчастья. Бабка еще говорила «Черная кошка – чертова кошка».

– Да что ты говоришь? Муся если и чертовка, так для мышей. Помнишь, что творилось? Табуны мышей. Крысы. А теперь даже тараканов нет.

– Мышей и крыс нет потому, что СанЭпид навевывается. С отравой, – парировал Вадик. – Странно, что блохастая не траванулась. Говорю же, чертовка.

Муся повернула голову и испепелила Вадика своими зелеными глазами.

– Ух, устала. Тьфу на тебя, не слезь! – Вадик дернулся, топнул ногой и замахнулся, пытаясь отпугнуть старую кошку.

Та и, не собираясь пугаться, лишь надменно отвела глаза.

– Я сейчас тебя сглажу, живодер! – раздался из коморки голос зав склада. – Оставь животное в покое.

– Дядя Петя, а скольких дохлых мышей она в коморку притащила? – не унимался Славик.

– Я их не считал. Травленных десятой стороной обходила. Да и живых не ела. Душила и вот сюда вот приносила, – мужчина тыкнул пальцем, указывая на порог коморки.

– Я то что? Кошка есть кошка. А вот черная – это беда, – настаивал Вадик.

– Вы про Мусю? – спросила Юля, на ходу закуривая сигарету, – Злющая кошара, чуть что шипит. И черная, как уголь. Я пару дней назад не могла из кассы ее спровадить. Все шипит да шипит. Ух, как взяла швабру, как пнула эту злюку черномазую. Только прогнала, машинка сломалась. И недостача в конце смены. Все из-за нее.

– Да? Из-за кошки – недостача? – заступился дядя Петя. – Так и скажи – лоханулась! При чем тут кошка?

– Да притом, дядь Петя, – продолжала Юля. – Спроси у Леша, как он прошлой зимой ногу вывихнул! Или вон Вадик.

– С Вадиком и так все понятно – живодер. А Леша сам виноват. Под ноги надо смотреть. Еще раз повторяю, кошка тут не причем.

– Еще как причем, – в один голос запротестовали Вадик и Юля.

Случай с Алексеем действительно был странный. Сильно вывихнутую на гололеде ногу и разбитый нос можно списать на несчастный случай, но произошло это у входа в офис, сразу после того, как бездушный менеджер со всей силы пнул мирно сидевшую у витража кошку. Просто так. Кошка долго хромала. И Леша тоже.

– Это тут у вас на складе все тип-топ. Видели бы вы, что творится в магазине, когда блохастая появляется, – эмоционально продолжил Вадик, – компы глюкают, кофе проливается, лампы ...

– Да потому, что безрукие в магазине. В бухгалтерии, например, ничего не виснет, не перегорает, – перебил его Славик.

– Ага, ты еще про кабинет генерального скажи. Черномазая вообще туда не ходит.

– Прямо как дети, – махнул рукой дядя Петя, развернулся и зашагал в свою коморку.

Кошка аккуратно подогнула под себя лапы. Уныло посмотрела в сторону миски с молоком. По-прежнему, есть не хотелось. «Пора!»

– Ты когда мозг включишь? – голос генерального был спокоен и не выразителен. Но, Ирине все равно стало не по себе.

– Андрей Павлович, я подумала ...

– Если бы ты подумала, ты давно бы решила этот вопрос, – спокойно сказал директор, не отрываясь от документов. – Бюджет я подписал, деньги на счету есть, а остальное решайте сами. Организуйте.

Он посмотрел на Ирину.

– Если не в состоянии организовать сама, попроси кого-то. Меня по этому вопросу не беспокоит. Все. Свободна. Через полчаса жду набранные черновики контрактов.

– А кого попросить? – предприняла еще одну попытку Ирина.

– Свободна.

Немного поколебавшись, Ирина вышла.

После юрфака, честолюбивая девушка рассчитывала на стремительную адвокатскую карьеру. Но, амбиции дипломированного юриста пришлось разменять на обыденность рядового секретаря. Временно. На что-то надо было жить. Да и опыт будет нелишним. Даже в такой небольшой фирме как эта. Например, с организацией этого злосчастного корпоратива. Казалось бы, штата набиралось человек пятнадцать, а угодить всем оказалось не так-то просто. Одной ей явно не справиться. Обратится за помощью в бухгалтерию, показалась ей самым верным решением.

Оставив открытой дверь в приемную, Ирина зашла в кабинет напротив.

– Татьяна Михайловна, есть минутка? – ласково пролепетала Ирина. Главбух Татьяна Михайловна пожилая, одинокая, но полная надежд женщина, выщипывала и без того редкие брови. Женщине нравилось ухаживать за собой. Обильная косметика, крашенные волосы, шикарный маникюр. Статус «В поиске», так и веял от этой прихотливой и властной дамы.

– Да, да милая барышня, прошу вас, – театрально отозвалась Татьяна Михайловна, – я в вашем распоряжении.

Женщина даже не взглянула на Ирину, продолжая заниматься своими бровями.

– Татьяна Михайловна, хочу с вами посоветоваться, – уверенно начала девушка. – Вы знаете, Андрей Павлович по итогам года, из сверхплановой прибыли, выделил средства для премирования сотрудников. – Ирина буквально процитировала двумя днями ранее напечатанный приказ. Поэтому, формулировка оказалась четкой. Настолько, что девушка испугалась и запнулась.

Отдышавшись, неуверенно продолжила:

– А у меня с этим проблемы.

– Какие же у тебя проблемы, юное дитя? – не отрываясь от своего занятия, спросила Татьяна Михайловна. – Премияльная ведомость составлена, согласована. Денежку выдадим на следующей неделе.

– Ну, это по премии. А корпоратив? Вы же в курсе: командный дух, дружность коллектива и все такое?

– Да, и что? Это ваше дело, молодое.

Настала пауза, которая однозначно указывала на окончания разговора. Но, Ира не сдавалась.

– Андрей Павлович поручил мне организовать этот, чертов корпоратив. И я не знаю с чего начать. Пыталась поспрашивать, кто куда хочет, но единого мнения нет. То есть – есть, типа «Мую часть отдайте деньгами, а с кем выпить сам решу!» – последнюю фразу Ирина произнесла басом, пародируя какой-то уж совсем мужественный голос.

– Ну, барышня, не могу с этим не согласиться, – главбух хихикнула.

– Татьяна Михайловна, ну вы же слышали, что сказал генеральный? Командный дух и все такое, – сказала вконец расстроенная Ирина.

Главный бухгалтер закончила волшебство с бровями и придирчиво разглядывала результат в ручное зеркальце. Покрутив головой со стороны в сторону, по-видимому, оставшись довольной результатом, отложила зеркальце и внимательно посмотрела на Ирину.

– А ты, Ирочка, не спрашивай никого. Сама выбери, закажи и поставь коллектив перед фактом. Чего ты боишься?

– Если не понравится, виновата буду я, – голосом осужденного сказала молодой секретарь.

– Ну и что? Ты выполняешь приказ шефа – это главное. Что генеральный говорил? Всей оравой за город. Шашлык, вино, свежий воздух. А денег хватит. Если будут возражать, ссылайся на шефа.

Вид девушки по-прежнему был несчастным. Татьяна Михайловна попыталась ее ободрить:

– Деточка, милая! Дерзай. На меня можешь рассчитывать. Если понадобится, бандерлогам этим я рты позакрываю.

– Да? – опасливо спросила девушка.

Татьяна Михайловна продолжала равнодушно на нее смотреть. Это означало одно, и секретарша поспешила с благодарностями:

– Спасибо огромное, преогромное! Я без вас не знаю, прям не знаю, что бы делала?

К вечеру приказ директора был исполнен. Транспорт, меню, и главное домик. «На склоне горы, в сосновом лесу. Живописный. Уединенный. Уютный. Два этажа с мансардой. Все удобства. Плюс банька. От трассы подъем не долгий. До деревни рукой подать» – описала его по телефону хозяйка. Ирина осталась довольна, а Татьяна Михайловна без особого интереса подписала платеж.

Она стоит посреди комнаты. Растрепанные волосы безобразной копной свисают на замершие плечи. Из одежды на ней – белый саван. Скучный лунный свет прорывается через мутное окошко старой деревенской хаты. Напротив окна старый комод. Рядом стол с белой вязаной скатертью. На стене рамка со старыми фотографиями. У печи широкая пружинная кровать с толстой мягкой периной и пирамидой подушечек. Маленькой девочкой она спала на ней с бабушкой. Бабушка кряхтела и ворочалась от неудобства. Малышке тоже тесно, но глупые, детские страхи не дают заснуть одной в соседней комнате. Теперь здесь никого нет. Оля знала. Знала, что нет кровати, нет печи, нет комнаты. Хаты тоже нет. На месте старого дома сельский клуб. И бабушки нет. Оля знала – бабушки нет.

Через дверь слышится лязг посуды, шипение сковородки. Кто-то готовит замороженные сырники. Аромат просачивается через дверную щель. «Бабушка?! Что ты делаешь? Рано для завтрака!» – кричит Оля. Хочет на кухню, но ноги примерзли в лёд. Девушка опускает глаза. Ниже колен белый саван исчезает в темной пустоте.

Оля кричит: «Бабушка!». Голоса не слышно. «Бабушка! Это я!» – повторяет она. Слова гремят в ее голове. Пустота вокруг абсолютна. В этом вакууме девушка смотрит туда, где в детских воспоминаниях оставалась дверь. Со сладким скрипом пустота открывает пространство. Дверной проем вмиг придвинулся и проглотил ее целиком.

На кухне, за столом, сидит бабушка. Ее ладони покоятся на столе, локти прижаты к телу. Перед ней аппетитная гора сырников. Рядом банка сметаны, тарелка и две чашки. Бабушка сурово смотрит на Олю. Девушка неуверенно улыбается. «Бабушка, рано еще!» Голос звучит в ее сознании, звонким эхом отражаясь от черепной коробки. Бабушка огорченно вздыхает. Не отрывая от Оли строгих глаз, она встает. Губы зашевелились, проговаривая какие-то слова.

Но пустота проглатывает любой звук. По напряженной, нарастающей выразительности, становится ясно, женщина перешла на крик. Она упорно повторяет одну и ту же фразу, которую Оля никак не может расслышать. Это запрещено. Запрещено правилами этого измерения. Оля лишь чувствует, у бабушки нехорошие новости. «Бабушка! Я не слышу! Не слышу!» кричит девушка. Но старая женщина, разочарованно отворачивается и медленно уходит в пустоту, туда, где в Олином детстве находится двор. Через мгновение силуэт бабушки тает в темноте.

«Бабушка!». Оля за ней бежит. Кажется, вот-вот и они обнимутся как после долгой разлуки. Перед Олей вырастает дверь. Не теряя надежду догнать близкого человек, она настезь ее открывает, подсознательно ожидая увидеть с детства привычный деревенский двор, залитый лунным светом. Но, за дверью длинный коридор. Скучный свет струится из тонких щелей вдоль плинтусов. Конец коридора теряется где-то в пустоте. В пяти шагах она видит кошку. Черный зверь смотрит на Олю холодными зелеными глазами. Через секунду кошка грациозно направляется в глубину бесконечного коридора. «Пора!»

– Оля, Оля! Проснись! – Коля за плечо тряс Олю. – Проснись! Опять кошмар?

Несколько мгновений, беспокойно озираясь по сторонам, девушка не могла понять, где она. Наконец, она удивленно посмотрела на Николая.

– Это кошмар! Все успокойся.

– Что случилось? – все еще в ужасе спросила Оля.

– Ты звала кого-то во сне. Наверно кошмар. Все закончилось. Спи! – Коля повернулся, поправил подушку и натянул одеяло.

Он ошибся, кошмар не закончился. Странное ощущение беспокойства, предчувствие нехорошего не покидало Олю всё следующее утро. Когда к обеду, казалось, ночной кошмар, наконец улетучивается, как осенний туман, случился излом. Сон стал реальностью.

Бухгалтерия располагалась напротив приемной генерального. Двери этих двух помещений выходили в крохотный, в два шага, коридор. Коридор, через третью дверь, вел в общий отдел. В редких случаях, когда все три двери этого коридорчика были закрыты, он превращался в темный чулан. Но освещение не ставили, потому, что в маленьком, сквозном помещении никто долго не находился. К тому же, как правило, две из трех дверей всегда были открыты.

В тот день все двери оказались закрыты. Выходя из бухгалтерии, Оля шагнула в коридор. Полоска света легла на черное пятно. В центре темного коридора сидела Муся. Кошка зелеными, горящими глазами смотрела на Олю. Ощущение державу умножило беспокойство ночного кошмара. Холодная волна накрыла девушку.

– Муся, девочка, ты чего в темноте сидишь? Пойдем со мной!

Оля открыла следующую дверь, ведущую в общий зал. Но за дверью, вместо привычных стеллажей и столов, оказалась бездна. Темная пустота космических размеров. Оля обернулась. Дверь, из которой она секунду назад вышла, захлопнулась. В образовавшейся тягучей темноте сияли лишь огненные изумруды двух зеленых глаз. От тишины звенело в ушах. Сквозь этот хрустальный звон, шелестом ветра в бамбуковой роще прозвучал голос: «Пора! Вступай на тропу жатвы! Время настало, собери же расплату!» Поток подхватил Олю. Она пыталась плыть, но как капля может плыть в океане? Капля и есть океан. Осознания этого проникло в ее «я», стало ею в то мгновение, когда она сама погрузилась в материю пустоты. Все встало на свои места: колесная пара на рельсах, ролик в пазу, импеллер в кольце.

Первое что увидела Оля, вернувшись в изломанную реальность, была кошка Муся. Зверь не спеша прошел в бухгалтерию. Грациозно вскочил на подоконник и обернулся. «Пора!». Затем прыгнул в окно. Прозрачное стекло вмиг впитало в себя черное пятно, растворив, как бескрайнее море растворяет пятнышко нефти.

Глава 2

– Ну чего? По пятьдесят для разгона, – Вадик протянул пластиковый стакан.

Коллеги последовали его примеру. Коля достал из-за пазухи бутылку.

– Давай, пацаны. За хороший отдых.

Было морозно. Мужчины кружком стояли у дверей автобуса. Женская часть коллектива уже расположилась внутри. Приготовления завершены, вещи, продукты загружены. Ждали Ирину. Ее идея: корпоратив в горах, 200 км от города. Утомительно. Но перед офисом собрались тринадцать коллег, преимущественно молодежь. Из старших – трое: главбух Татьяна Михайловна, зав склада дядя Петя и коммерческий директор Степан Ефимович. Подрядились они отнюдь не добровольно. Генеральный накануне пригласил троицу и попросил «съездить приглядеть за молодежью, чтоб по пьяни не поубивали друг друга». Опытные, ответственные люди понимали, просьба начальства это приказ.

– Ух! Хорошо пошла! – кряхтя, мужики занюхивали тыльной стороной ладони.

Закурили.

– Блин, чего она так долго? Как клочка мечется туда-сюда, – возмущался Славик.

– Подотчетную денежку считает. Дело ответственное, – понимающе сказал дядя Петя.

– Коля, там на донышке есть еще что? Давай добьем, – предложил экспедитор Владимир.

– Не гоним, не гоним. Успеем. Все еще впереди, – сдерживал Степан Ефимович.

– Да, мужики, всю ночь ехать. И с погодой непонятка. Оля говорит, снег будет, – подержал Николай начальство менеджер логист, рубаха – парень и знатный ловелас.

– Ага. Олька знает. Она и тебя воспитала. По струнке ходишь, – дразнил его Вадик.

– Да причем тут Оля? Она в автобусе, я здесь, – оправдывался Николай.

– Ну, тогда не отрывайся от коллектива. Степан Ефимович, давай по чуть-чуть и поехали, – снова образовался кружок из стаканчиков. – О, вон и клочка идет, сейчас кудахтать будет.

У дверей офиса появилась Ирина. Быстрым, деловым шагом направилась к автобусу.

– Все, мальчики, едем! – весело сказала Ирина.

– Прошу, мадам, – пропуская секретаря в автобус, помурлыкал Николай.

– Мадмуазель, – кокетливо парировала Ирина.

– Ну, так я о том же, – поправился Коля.

– Давай, топай, – дядя Петя грубо подвинул обольстителя в автобус. – Вон твоя мадам уже уши наострила, – кивнул Петр на Ольгу. Но девушка равнодушно смотрела в окно, не обращая на происходящее никакого внимания.

– Ира, зайчик, ты папку с ведомостью захватила? – поинтересовалась главбух.

– Да, Татьяна Михайловна. И контракт, и талоны, – отчиталась Ирина.

Татьяна Михайловна продолжила:

– Умница.

Ирина засияла самой ослепительной улыбкой.

Николай нежно обхватил талию Ирины:

– Пардон, мадмуазель. Позвольте протиснуться!

Ирина покосилась на Ольгу, намеренно не реагируя на посторонние руки на своей талии.

– Так. Коллеги! Все на местах? Можем ехать? – громко спросила она.

– Да! Давай. Поехали уже, – посыпались раздраженные возгласы.

Автобус тронулся.

– Оля, ты чего такая грустная? – как ни в чем небывало, спросил Николай.

Оля смотрела в окно. Она знала, через 40 минут пойдет снег и будет идти весь следующий день и ночь. Она знала, что она там, где должна быть, там, куда ведет путь. Знание напол-

няло смыслом ее существование и существования этого изломленного измерения. Здесь и сейчас. Ничто не остановит движение тропы. «Надо идти дальше!» Улыбаясь, она повернулась к Николаю.

– Я не грустная, с чего ты взял. А вон мадмуазель со старой клюшкой грустят.

Николай посмотрел на Татьяну Михайловну и Ирину. Те, молча, жевали бутерброды.

– С чего ты взяла что ... моя? – слово «мадмуазель» Коля застенчиво пропустил.

– Твоя, – продолжая улыбаться, сказала Оля.

– Что ты начинаешь ... – защищался Николай.

– Все, заткнись! – в ее голосе звякнули металлические нотки раздражения и омерзения.

Девушка отвернулась к окну. Она была занята. Она складывала мозаику из новой себя. Случившийся накануне транс разбил скорлупу разума. Следовало собрать заново. Сокровище истины сверкнуло в зеленых глазах, затмив многолетней слой серости. Теперь Ольга ведала, понимала, чувствовала. Значит, могла менять. И, когда первая снежинка упала на плетущийся автобус, недостающий пазл мозаики закрыл последнюю брешь понимания.

Повалил снег.

Ехали медленно. Густая снежная завеса, не дальше чем в двадцати шагах, отражала свет фар. Дорога казалась разъезженной только в дремлющих деревушках и у заправочных станций. Транспорта, встречного и попутного, было не много. И, с каждым километром, машин встречалось все меньше и меньше.

Автобус плелся за грузовой фурой, пока грузовик не свернул к придорожному мотелю. «Может тоже здесь тормознуть – подумал водитель». Но снежная пелена прояснилась. Дорожные знаки, указатели, в пронизывающих лучах фар, стали хорошо видны. Где-то вдалеке замерцали огоньки. Кое-где пробились дорожная разметка. «Фигня! Прорвемся!» – подумал мужчина и надавил на педаль газа.

Но, через пару километров оптимизм поубавился. Дорогу так замело, что было трудно определить, где проезжая часть, а где обочина. «Если застрянем, будет весело. – думал водитель – Развернуться невозможно. Точно встанем»

Автобус затрясло. Руль вырывался из рук стремительно увлекая автобус вправо. Водитель надавил на тормоз и чертыхнулся. «Твою мать! Чуть не перевернулся. Все. Амба. Приехали»

– Не спите? – услышал он за спиной тихий женский голос.

От неожиданности водитель подскочил.

– Не хотела вас напугать, – также тихо продолжила Ольга.

– А я не из пугливых, – заворчал водитель.

– Вон за тем поворотом заправка. Остановитесь там, – приказала девушка.

– Ха. Смотри, что за окном делается. Тебе приспичило, – продолжал ворчать шофер, и немного смягчив тон, продолжил. – Сейчас остановлю. До утра точно никуда не поедем.

– Через минуту нас догонит трактор. Поедите за ним.

– Слышишь ... – начал водитель, но девушка его перебила.

– Будешь ехать за трактором до нашего места.

– Девочка, ты меня учить будешь? – ухмыльнулся мужчина, затягивая ручной тормоз. – Какой нахрен трактор?

Шофёр изобразил свой самый томный взгляд. Собрался прочитать девице лекцию о непогоде, об опасностях, о работе дорожных служб ... Но, за поворотом, в снежной мгле замерцали огоньки. Показался угрюмый силуэт тяжелого трактора. Лениво ковыляя, он разгребал перед собой снег.

– Какого хрена? – удивился водитель. – Как ты его разглядела?

Игнорируя вопросы, девушка продолжила.

– Будешь ехать за ним. Часов пять, до рассвета.

– Послушай сюда, – вновь осмелел водитель. Обернувшись к Ольге, он в ужасе замолчал. Из темноты на него смотрели два звериных глаза. Подсознательно, каким-то животным инстинктом, мужчина чувствовал, еще одно слово, и он добыча зеленоглазого монстра.

– На рассвете остановишься у перекрестка. Ты знаешь где. Будешь послушным, останешься целым.

Водитель опустил ручник, переключил передачу и автобус тронулся следом за спасительным трактором.

Поздний зимний рассвет нехотя принялся рассеивать снежный сумрак. Автобус заехал на обочину у перекрестка. Трактор поехал дальше. За спиной водителя вновь оказалась Ольга. Она была одета в свой красный пуховик.

– Вот и все. Сейчас разгрузятся, а после догоняй трактор. Езжай за перевал в деревушку.

– Так я вроде как с вами должен ... до завтра, – неуверенно заговорил водитель.

– Не испытывай судьбу, – Ольга натянуто улыбнулась, приподняла руку в черной перчатке и игриво зашевелила пальчиками, как кошка коготкам. Через мгновение улыбка исчезла, и холодный голос приказал. – В деревню, дурак, если жизнь дорога.

Выходя из автобуса, девушка крикнула:

– Давай, буди этих!

Первобытный страх растормошил водителя, подгоняя его вон от этого гиблого места:

– Подъем, команда, приехали. Давай, давай разгружаемся! – и уже тише, про себя. – А то трактор уедет, пока вы тут дрыхните.

Красный пуховик медленно удалялся вверх, по второстепенной дороге. На вершине, выглядывали макушки вековых сосен. Снятый для корпоратива домик находился где-то там.

– Что, все? – подтягиваясь, промямлил экспедитор Володя. Он сидел на первом за водителем сидении. – Блин, голова раскалывается.

– Давай! Рота подъем! – торопил водитель.

– Уже утро? – пассажиры автобуса стали проявлять признаки жизни. – Приехали? Не фига себе снежок!

– Давай, давай быстрее! – орал водитель, не вставая со своего места, беспочвенно опасаясь, что кто-нибудь займет его и уедет за перевал.

– Не ори, и так голова болит, – пробубнил Володя. Такого тяжелого похмелья у него давно не было. Пожалуй, с той самой эпической пьянки, в бане, на дне рождении.

Глава 3

– День рождение – только раз в году. Но, это не Новый Год или какой-то другой праздник. День рожденья это личный и лучший день в году. Поэтому, Вован, ты должен его лично прожить хорошо! – крепко подвыпивший друг насилу закончил запутанный и неимоверно длинный тост.

Володины друзья организовали ему сюрприз – день рождения в бане. Всей компанией ввалились в тесноватый предбанник, а там их ждал накрытый стол. Колбаски, сырочек, копчености, огурчики, салатки и большое блюдо с раками. Пиво, водка в холодильнике. Подарочек тронул Вову до глубины души, чуть ли не до слез.

– Принимай поляну, братишка!

– Пацаны, спасибо! Я, блин, не ждал. Уважили! Блин, вот что значит настоящие кореша! – не переставал благодарить Володя.

Через полчаса раки были съедены, пиво выпито. Распаренные друзья перешли к водке.

– Так, братва! Десерт? – заорал дружок.

– Да, братишка, десерт, – поддержали остальные.

– Вован, вставай!

– Зачем? – удивился именинник, неуверенно поднимаясь с дивана.

– Встречай гостей, – все заржали.

– Заводи! – заорал самый трезвый друг

В предбанник вошла девушка.

– Здравствуйте, мальчики, – кокетливо сказала она. – Кто именинник, кого поздравлять? А, вижу!

Барышня скинула потрепанную курточку и плюхнулась на кожаный диван. Из-под короткой юбки эротично виднелся ажур черных чулков.

– Ну, налей даме шампанского? – потребовала девица.

– А шампанского нет. Водка есть, и пиво ... а нет, пива тоже нет, – сказал кто-то из друзей.

– Я, лапуля, не тебе. С вами договора нет. Я имениннику.

– Как нет? – удивился друг

За девушку ответил самый трезвый из друзей.

– Сначала Вован, его подарок. А после сами договаривайтесь.

– Именно так, лапуля, – подтвердила девушка. – Так как насчет шампанского?

Покачивающиеся Вова, ошарашено разглядывал присутствующих, пока нетрезвый взгляд не сфокусировался на ажурном бедре девицы:

– У банщика надо спросить. Может у него есть.

У банщика конечно было. Низкопробное шампанское, но цена французского. Пока открывали бутылку, дама промурлыкала:

– Мальчики, я переоденусь, а вы не подглядывайте! И не шалите тут без меня, – девушка удалилась в соседнюю комнату.

– Ну, давай, Вован, в бой! – подначивали именинника друзья. – Шлагбаум поднялся? Поехал в тоннель.

Володя прошел в комнату. Нагая девица полусидела на широкой кровати.

– Презик взял? Давай быстренько у меня другой вызов.

Толи из-за обыденности, даже грубости, тона, толи из-за ее торопливости, толи из-за выпитой водки, у Вовы пропало желание. Огонь не разжигался, как бы они не старались. Потеряв терпение, девица сказала:

– Перепил, боец! Ничего в следующий раз я тебе скидку сделаю.

– Какой следующий? Я сейчас хочу.

– Я тоже может, хочу. Не судьба, – усмехаясь, сказала дама, согнув указательный палец.
– Идем, в бассейн окунемся, я вмиг отрезвею. Время же есть еще?
– Время есть, – неохотно согласилась девица, взглянув на часы в мобильнике.
Закутавшись в простыни, под ободряющее улюлюканье друзей они прошли к бассейну.
– Давай прыгай, – приказал Вова.
– Я? Мне – то зачем? И вообще, я не хочу мочиться. У меня макияж, – возразила барышня.
– Прыгай, я сказал, – настаивал Владимир.
– Да пошел ты, придурок. Говорю же: не хочу!
– Прыгай, сука! – Вова толкнул ее в бассейн. Та с визгом плюхнулась в холодную воду.
– Идиот! – кричала она из бассейна. – Ты знаешь, сколько стоит моя прическа? В жизнь не расплатишься, урод.
Девушка неуклюже выбралась из холодного бассейна. Простынь осталась в воде.
– Достань простынь, кретин. Иди к банщику за феном! – громко распорядилась девушка.
Увидев голую проститутку, компания за столом засыпала сальными комплементами.
– Молодец, Вован. Так их. Остужай потом жарь.
Это подначивало Владимира. Да и водка смыла остатки совести.
– Какой фен? Принцесса, бля? Иди сюда, – схватив за руку брыкающуюся девушку, Вова потащил ее в парилку.
– Отстань, идиот. Сейчас охране позвоню, всех отпидарсят. Да, отстань ты! – сопротивлялась девушка.
– Высушишь прическу и позвонишь. Да не ссы! – тащил ее Володя.
Запихнув девушку в сауну, парень припер шваброй дверь.
– Ну, пацаны, наливай!
Выпили.
– Ну как подарок? – спросил кто-то из друзей.
– Класс. Сейчас угомонится трохи, на второй круг пойду. Потом, братва, она ваша! – последнюю фразу Владимир прокричал, держа стакан в руке. – Давай, пацаны, по полной! За баб!
– Смотри, чтоб не перегрелась. Баню за сотку раскошегарили, – сказал самый трезвый друг, разливая водку.
– Да что с ней, с блядь, будет. Они же живучие, как кошки.
Минут через двадцать в предбанник зашел крепкий мужик в кожаной куртке. К этому времени компания вела томные, разговоры о жизни. Про девушку в парилке напрочь забыли.
– Э, пацаны, где Анжела? На трубу не отвечает. Будете проdleвать?
– Анжела? – переспросил самый трезвый друг. – Ой, бля. Вован, где подарок? Эй? Але? Вова тихо сопел упершись лбом на край стола.
– Она, это, парится, – сказал друг, и неопределенно махнул в сторону парилки.
– Парится? – удивился мужик. – Я ее, блядь, попарю. Клиенты телефон обрывают, а она парится.
Выбив швабру, он открыл дверь.
– Эй, Анжела.
Девушка лежала у дверей на полу.
– Ты чего? Але! Вставай! – мужик тряс девушку. – Эй, вставай, пара работать.
Девушка не реагировала.
– Анжела! – мужик легонько хлопнул девушку по лицу.
– Вы что наделали, черти? – мужик вытащил тело, накинул холодную простыню и побежал за банщиком. Девушка неподвижно лежала на кафельном полу. Кожа сильно покраснела. Одна рука свисала в бассейн.

Прибежал банщик.

– Еб... Скорую вызывай! – обратился он к мужику в куртке. – А вы быстро оделись. Если что, она твоя подружка. Понял? – обратился он к самому трезвому другу. – Никакой проститутки не было. Понял? Взболтнете, глотку перережу. Понял? Давай, давай, живее.

Приехавшая скорая, погрузил чуть живое тело девушки на носилки и увезли в больницу.

Похмелье было страшным. Во всех смыслах. За беспредел, выставили штраф. Девица лежала в коме. «За молчание» надо было платить. С врачом договорились сами. Сутенер помог с ментами. Деньги были не малые. Пришлось заплатить. Залезли в долги. Дело замяли. О проститутке Анжеле никто не вспоминал.

Не вспоминал до сегодняшнего утра. Владимир натягивал пуховик и смотрел в окно. Сквозь снежную пелену он заметил проходящую мимо автобуса девушку в короткой юбке и легкой куртке. «Ни фига себе модница – подумал он – Холод собачий, а она в мини юбке. Да уж, красота требует жертв» Тут женщина обернулась и пристально посмотрела на Владимира. «Анжела? – удивился парень – А она здесь откуда? Живучая, блядь. Точно как кошка».

Автобус разгружали долго. Со своего водительского кресла шофёр непрерывно подгонял еще не совсем проснувшихся пассажиров. Наконец дверь автобуса хлопнула, и водитель с облегчением нажал на педаль газа, обдав пассажиров облаком густого дыма.

– Вот козел, – возмутился Николай. Они втроем остались на дороге у разгруженных коробок. Остальные не спеша поднимались в гору. Мужчины тащили коробки, сумки. Женщины шли налегке.

Первой шла энергичная Катя. В городе она задыхалась. А тут чувствовала себя как дома.

– Ну, народ, давайте быстрее. Чего сонные такие? – остановившись, она запрокинула голову и вздохнула полной грудью. – Ах, красота.

– Ты чего это такая резвая? – спросил Степан Ефимович. – Ты бы также резво трудилась. Полдня страничку переводишь.

Катя работала переводчиком. По правде говоря, работа в офисе ей совсем не нравилась. Договора, инструкции, спецификации и прочая мура, не для нее. Мысли были далеко: в джунглях Амазонки, на островах Полинезии, в предгорьях Гималаи. И языки она учила только для этого. Душный кабинет воспринимался как нечто необходимое, не любимое и поэтому временное.

– Степан Ефимович, не надо о работе. Давайте хоть на день забудем, – воодушевленно сказала девушка.

– Ефимыч, ты бы коробочку потяжелей взял, заколеблемся перетаскивать, – встрял Артур.

– Таскать тяжести, дело молодое, – возразил Степан Ефимович. – У вас, у молодежи мышцы вообще атрофируются. Вы же ничего тяжелее шариковой ручки не поднимаете.

– Я, Ефимыч, и ручку не поднимаю, – хихикнул Артур, – я по клавишам щелкаю. На фига мне ручка?

Все засмеялись.

– Да кто же вас, дармоедов, разберет, чем вы там занимаетесь? Напридумывали профессий, а работать некому, – пробурчал Степан Ефимович.

– Ты Ефимович конечно спец, разбираешься в предмете. Спору нет. Но молодежь! – сочувственно сказал дядя Петя. – Компьютеры, емейлы и прочая чертовщина. Надо нагонять.

– Слушай, Петр Батькович, компьютер любой дурак освоит. А вот в промышленной химии разобраться, степень по индустрии химсырья получить – знания нужны. А мне до пенсии и факса хватит. Слава Богу недолго осталось! – в конец разозлился Степан Ефимович, и уже чуть тише добавил. – А факс я еще в девяностые освоил.

Глава 4

Сколько не старался, Степан Ефимович не мог вспомнить, когда именно решил сменить лабораторию НИИ Химических Технологий на пыльный арендованный полуподвал швейного ПТУ. Иногда ему вспоминалось, что решил он это в тот день, когда сосед, в прошлом спасатель на местном пляже, а теперь продавец запчастей на рынке, въехал во двор на шикарной иномарке. Или у тестя на похоронах. Тесть ушел в запой и не вернулся после того как НПЗ на котором отбатрачил всю жизнь приватизировали, и рабочих разогнали. Или тогда, когда вместо зарплаты заработал в отключенном от отопления НИИ воспаление легких. Сотрудники по привычке, приходили в промерзшие лаборатории и занимались, как оказалось, никому не нужной работой. Сейчас уже трудно вспомнить. Но когда молодой аспирант Артемьев предложил своему научному руководителю открыть общее дело, Степан Ефимович долго не соглашался. Статус нищего ученого, прельщал его больше чем статус презренного барыги.

На местном химзаводе в одночасье стало невозможно, что-либо купить или продать. Все делал некий Торговый Дом. Артемьев объяснил Степану Ефимовичу, что это называется «крышей» и говорить надо с ними. Используя наработанные в НИИ связи, новоявленные коммерсанты договорились с поставщиками-смежниками, а Артемьев «выбил у крыши квоту» на поставку сырья. Денег за сырье завод не платил. Рассчитывались готовой продукцией. Естественно через Торговый Дом.

Офис Торгового Дома «Прогресс» занимал весь третий этаж гостиницы «Советская». Как и все офисы девяностых, помещения не приспособили к потребностям крупного трейдера. Менеджеры, бухгалтера, экономисты занимали крохотные гостиничные номера. Кровати заменили столами и стульями, коридоры до потолка завалены коробками с документами, между всем этим сновали озадаченные сотрудники и посетители. Оазисом спокойствия был лестничный пролет, ставший курилкой. Курили здесь долго, сосредоточенно и вдумчиво, философски созерцая дым дешевых сигарет.

– Пойми, Ефимыч, ничего такого в этом нет, – финансовый директор «Прогресса», в недавнем прошлом главный бухгалтер союза потребительской кооперации, глубоко затянулся и шумно выдохнул струю голубоватого дыма, – аморального или, боже упаси, криминального. Нам надо списать эту дырку, и Сычев готов на это потратить половину.

– А нам потом с этим сульфатом что делать? При первой же ревизии сядем, – справедливо возразил Степан Ефимович.

– Ну, батенька это вы уж думайте. За что вам пятьдесят процентов платим? – фин. директор снова глубоко затянулся. – Кстати, твоему Артемьеву не обязательно знать о наших делах. Сычев с ним вообще не общается, а я умею держать язык за зубами, ты же знаешь. В общем, решай сам. Но если дырку не закроем Сычева уберут, да и меня наверно тоже и, тогда все квоты на поставки будут пересмотрены. Вам с Артемьевым точно ничего не перепадет.

– Ну, тебе-то откуда знать, что кому перепадет? – немного подумав, Степан Ефимович добавил. – А Артемьев что сказал? Ты же с ним говорил?

– Говорил, – разочарованно сказал финансист. – Время зря потратил.

– И что он? – спросил Степан Ефимович, разминая новую сигарету

– Что? – поникнул собеседник. – «Ваши проблемы решайте сами», вот что сказал твой Артемьев.

Тут финансовый директор Торгового Дома откровенно солгал. Это было не все, что сказал Артемьев. Молодой коммерсант добавил, что если руководство узнает, что фирма Артемьева участвует в вороватых схемах администрации «Прогресса», то ни Артемьева, ни его фирмы не станет. Буквально это звучало так: «За участие в кидалове меня закопают вместе с

тобой и твоим Сычевым. Это не советский суд, самый гуманный суд в мире. Сам себе могилку в лесу отрою. А у меня жена и двухмесячный ребенок».

– Странно, – удивился Степан Ефимович. – Артемьев просто так от денег никогда не откажется.

– Вот, уже ближе к делу, – обрадовался финансовый директор. – Ты вообще понимаешь, о каких деньгах идет речь? А закрыть надо всего лишь шестьдесят тонн. Умножь на сегодняшнюю цену и подели на два.

На секунду Степан Ефимович снова задумался, потом прикурил сигарету.

– Вы с Сычевым продали налево вагон сульфата, а нас хотите подставить?

– Да никто никого не хочет подставить. Ефимыч? Считай, что шестьдесят тонн удобрений продаем через вашу фирмочку. Подписываете накладную, перечисляете деньги. Всю сумму плюс пятьдесят процентов я тебе наликком занесу. Все. Делов то. Давай, Ефимыч, соглашайся. На ровном месте срубить столько баксов. Не каждый день предлагают.

Степан Ефимович продолжал молча курить. Предложение заманчивое. И для одного оно более заманчивое, чем для двоих.

– Давай, дружище, – давил финансовый директор, – если нет, я в «Азимут» пойду. Там пацаны шустрые, смекнут что к чему.

– Деньги сразу занесешь. Без налика ничего перечислять не буду. Ваш «Прогресс» и так нам должен, – как-то еще не совсем уверенно согласился Степан Ефимович.

– Конечно, дружище! – обрадовался фин. директор. – Роза Марковна бумаги оформит. Деньгу я до конца недели занесу, а ты уже как сможешь, перечислишь. Спасибо, друг.

– Не благодари, – осадил собеседника Степан Ефимович. – Благодарить будешь, когда деньги занесешь.

– Конечно, конечно. Идем в бухгалтерию, бумаги подпишем. Минут десять подождешь, пока заполнят все, – финансист взял под руку нового друга и повел по коридору в гостиничный номер, который сейчас назывался «Бухгалтерия».

– Розочка Марковна, ну-ка доставайте-ка бланочки спецификации на азотные удобрения. И накладнушки заодно. Степан Ефимович, присаживайтесь. Сульфат аммония кристаллический в количестве шестьдесят тысяч двести восемьдесят кило брутто по спец. прайсу.

– Михаил Юрьевич, у меня экспорт в Польшу, не успеваю, – сказала бухгалтер.

– Оставьте экспорт, это распоряжение господина Сычева.

– Да что мне ваш Сычев? Про экспорт Михаил Георгиевич распорядился. Его человек ждет бумаги для таможни. Так что ...

– Роза Марковна! Не злите меня. Все-таки, я ваш непосредственный начальник, и не мне вам напоминать про иерархию ...

– Михаил Юрьевич, я вас уважаю, но зарплату мне платит Михаил ...

– Ладно, ладно, – попытался обуздать назревающий конфликт Степан Ефимович. – Я завтра заеду, подпишу. Так сильно горит что ли. Завтра к обеду будут готовы?

– Они сейчас будут готовы. Сядьте, – настаивал Михаил Юрьевич.

– Нет, не будут, – сказала бухгалтер. – Завтра. К обеду сможете поехать на склад.

– Отлично. Юрич, не гони, все успеем, – Степан Ефимович пошел на выход. – До свидания.

– Да подожди ты. Сейчас она закончит и тебя оформит, – настаивал фин. директор.

– Не сегодня. Мне по экспорту допоздна, – огрызнулась бухгалтер.

Чем закончилась перепалка начальника с подчиненным, Степан Ефимович не знал. Он плотно закрыл за собой дверь с красивой табличкой «Бухгалтерия».

На следующий день, в душный подвал офиса влетел Артемьев. Степан Ефимович как раз соображал, кому бы по бумагам распихать «лишние» шестьдесят тонн удобрений.

– Ефимыч, что там с вагоном сульфата? Мне Роза на подпись бумаги дала. А я не в курсе, кому этот вагон.

– Южане впрок заказали. Они еще на прошлой неделе звонили.

– Блин, Ефимыч, мы же договаривались что никаких заказов по телефону. Они за ночь три раза передумают, а через неделю вообще забудут, потом фиг докажешь. Есть же факс. Написали заявку с подписью и печатью, по факсу нам отправили, только потом заказ делаем.

– Да, дружище. А откуда в деревне факс? – возразил Степан Ефимович.

– Во-первых, не деревня, а райцентр. А во-вторых: их проблема. Короче, в последний раз, – Артемьев копался в своем дипломате и наконец, достал заполненные бланки. – Вот. Я прямо из дома в «Прогресс» заехал. Роза бумаги подготовила. Ты на склад съездишь отгрузку проконтролировать? Или я после обеда стоняю?

– Нет, я сам поеду. Не беспокойся, – как можно безразличнее сказал Степан Ефимович. У него затряслись поджилки. Если его компаньон узнает об афере, им придется расстаться. Но это полбеды. Только сейчас Степан Ефимович понял масштабы проблемы, в которую он, по глупости, или больше по жадности, вляпался. Артемьев молчать не станет. Сразу побежит к фактическому хозяину завода и Торгового Дома, Михаил Георгиевичу. А тот человек «крутой». За воровство и в меньших размерах люди исчезали.

– Кстати, что по деньгам? Когда южане рассчитаются? Они и так должны, если я правильно помню.

– На неделе, – также спокойно ответил Степан Ефимович, лихорадочно пытаюсь придумать, как он из всего этого будет выпутываться. В панике, он был готов рассказать все Артемьеву. Вместе они бы что-то придумали. Но жадность снова победила. Естественно ни на какой склад он не поедет. Поедет прямо к этому пройдохе Михаил Юрьевичу, и немедленно потребует все деньги. Возможно, удастся все быстро закрыть и никто ни о чем не узнает.

Выйдя из подвального офиса, Степан Ефимович направился к телефону-автомату.

– Алло, Юрьич, приветствую. Ты на месте? Я еду к тебе.

– Привет, Ефимыч. У меня сейчас планерка. Позвони позже. Через часик, два.

– Какой позже? Я еду ...

– Не могу говорить, у меня люди. Давай, как договаривались на неделе я сам заеду. Все пока.

В трубке предательски зазвучали гудки.

Ни через три дня, ни через неделю, финансовый директор «Прогресса» не появился. Весь город гудел о разборках в «Прогрессе». Хозяйева Торгового Дома сменили администрацию, завод прекратил отгрузки, заморозили счета, забрали печати. По слухам, началась внутренняя ревизия. Директор Сычев уехал в длительную командировку. По слухам он покоился где-то в лесу в неглубокой могиле без креста. Финансовый директор тоже исчез. Жена сказала, что он неожиданно решил вернуться в Подмоскovie. Насовсем. Оказался он в том же лесочке, по соседству со своим начальником Сычевым.

Степан Ефимович не находил себе места. Он практически не спал и не ел. Много курил. Если бы не язва, точно бы запил по-черному. Артемьев, занятый рутинной поставок, забыл про злосчастный вагон, но было ясно, что рано или поздно афера всплывет. Степан Ефимович никак не мог решиться, и чем больше проходило времени, тем сильнее сдавали нервы. Он срывался на домашних, орал на клиентов. И больше всего его раздражал компаньон.

Между тем Торговый Дом снова начал работу.

– Алло, Степан Ефимович? Здравствуйте. Это Роза Марковна, бухгалтер «Прогресса».

– Да, я вас слушаю, – раздраженно прохрипел в трубку Степан Ефимович.

– Мы со всеми нашими контрагентами проводим сверки. Могли бы вы подъехать и подписать акт сверки? – сказала бухгалтер.

– А что вы мне звоните? Звоните Артемьеву. Он директор фирмы пусть он и подписывает. Я тут причем? – раздраженно проревел Степан Ефимович. Его ничуть не смущало, что Артемьев сидел напротив и, оторвавшись от бумаг, внимательно смотрел на своего компаньона.

– Чего ты хамишь, Ефимыч? Нам же с ними работать. Дай мне, – Артемьев забрал у Степана Ефимовича трубку. – Алло, я вас слушаю. Это Артемьев.

Несколько секунд директор внимательно слушал, потом сказал:

– Какие проблемы, Роза Марковна? Скинете нам на факс, я подпишу, поставлю печать и скину вам обратно. А оригиналы мы позже подпишем, – немного послушав, добавил. – Окей, договорились.

– Вот что значит вежливость, – обращаясь к Степан Ефимовичу, сказал Артемьев. – Акт нужен, чтобы зафиксировать долг перед нами. Михаил Георгиевич распорядился.

– Артемьев, что ты постоянно меня запугиваешь? – не выдержал Степан Ефимович.

– Я запугиваю? Ты что, Ефимыч, переработал? – от неожиданности Артемьев оторопел. – На фига мне тебя запугивать?

– Вот и я не знаю, на фига! Чуть что Михаил Георгиевич, Михаил Георгиевич ... Я тебе что пацан? Школьник? Хамлю я видите ли, – не унимался Степан Ефимович, от переполняющих эмоции он встал из-за стола. – Замечание мне делать? Сопляк!

– Да что с тобой, дружище? – Артемьев сел на край стола и потянулся за пачкой сигарет. – Успокойся.

После ссоры Степан Ефимович окончательно сомкнулся. Он механически приходил на работу в пыльный подвал, бесцельно перекидывал бумаги, иногда отвечал на телефонные звонки. Он был уверен, после сверки с «Прогрессом» Артемьев уже все знает, а сейчас издевается над ним и ждет момента, чтобы отдать его в лапы головорезов Михаила Георгиевича. Еще больше уверенности в своих подозрениях предала мимолетная встреча у входа в пыльный подвал.

Степан Ефимович возвращался с обеда. Железная дверь резко распахнулась, и из офиса вышли двое короткостриженных здоровяка в кожаных куртках. Они даже не посмотрели на Степана Ефимовича, просто прошли мимо. Это больше всего напугало мужчину. «Они меня даже за живого не считают. Труп. А что на труп смотреть? Насмотрелись». Не успокоило его и великолепное настроение Артемьева.

– О, Ефимыч. Пока ты пузо набиваешь, люди из «Прогресса» приходили. Предложили закрыть долг, ... ну часть долга, оргтехникой. Ты понимаешь? Это же Клондайк! Мы эту технику в раз по хозяйствам раскидаем. Скоро в ресторанах обедать будешь.

– Что за техника? – уныло спросил Степан Ефимович, снимая старенький серый плащ.

– Оргтехника, Ефимыч, самое то на сегодняшний день. Михаил Георгиевич везет крупную партию из-за границы. Из Польши по-моему, – также весело отвечал Артемьев.

– Органическая техника? Где она применяется? – поправляя под собой стул, безынтересно спросил Ефимыч.

– Не органическая. Офисная. Факсы, ксероксы ну короче все, что надо для офиса, – Артемьев прикурил сигарету. – А ты чего расстроенный? Случалось что?

– Да нет. Все хорошо, – равнодушно ответил Степан Ефимович.

– Ну, я вижу, что что-то не так? Давай, говори. Если опять насчет денег, сам знаешь налика нет. Надо потерпеть. Я тоже без денег. Жена ворчит, малая ноет. Вот технику раскидаем ...

– Да что ты опять про технику мне заливаешь? Ты что, думаешь я дурак? – закричал Степан Ефимович. – Думаешь не знаю, зачем эти хмыри приходили?

– Блин, Ефимыч, ты меня достал. Что ты истеришь как баба? Скажи что не так?

– Скажи? Я скажу. Но не тебе, а кому надо! – Ефимыч сорвал с вешалки плащ и стремительно вылетел из офиса.

Сомнений не оставалось. Артемьев все знает, а теперь и в «Прогрессе» разбираются. Ходят, задают вопросы. «Артемьев просто ждет, когда я окончательно свихнусь и во всем признаюсь. Конечно, у него доказательств нет – думал Степан Ефимович – он же сам подписал и накладные и акты. Вот и изводит меня. Фигушки, не из того я теста. Я тебе покажу доказательства!» Решение созрело. Необходимо пойти прямо к Михаилу Георгиевичу и все рассказать. Как Артемьев подписывал левые накладные на шестьдесят тонн удобрений, как делился с Сычевым украденными деньгами, как хотел подставить его – Степан Ефимовича. Надо себя спасти, любой ценой.

Артемьев исчез. К ним в подвал заходил участковый. Сказал, что жена Артемьева, наивная дура, написала заявление о пропаже мужа. Ефимыч сказал менту, Артемьев запойный и наверно где-то забухал. Не в первый раз. Участковый пожал плечами и ушел.

Позже к подвалу приехал грузовичок, и крепкие парни разгрузили коробки с техникой.

– Приветствую вас, многоуважаемый Степан ... эээ .. Ефимович, – поздоровался невысокий крепкий мужчина в дорогом пальто. Набриолиненные волосы, зачесанные назад, узкие колючие глазки, надменная улыбка. Степан Ефимович сразу узнал начальника безопасности Торгового Дома. В тот день, когда в приступе трусости Ефимыч спасая свою шкуру, подставил партнера, к хозяину холдинга его не пустили. Истеричного коммерсанта выкинули бы взашей. Но сбивчивый ор Степана Ефимовича показался любопытным этому человеку, который сейчас стоял перед ним в подвале – офисе.

– Здравствуйте! – испугано сказал Ефимыч. Он не мог выдержать взгляд этих узких колючих глаз.

– Мы решили закрыть долг. Георгичь ... то есть Михаил Георгиевич ценит и дорожит честными, и главное, верными партнерами по бизнесу. После случая с вашим компаньоном долг «Прогресса» под сомнением. Мы признаем и закрываем только несомненную часть. Я думаю, вы не хотели бы дополнительных разбирательств?

– Нет. Я вообще ничего не хочу, – проямлил коммерсант, глядя в пол.

– Отлично. Ваше желание нас устраивает. Степан ... эээ...

– Ефимович, – подсказал коммерсант свое отчество.

– Не важно. Вы понимаете, данная поставка последняя сделка вашей фирмы с «Прогрессом»?

– Я понимаю, – проямлил Степан Ефимович.

– Отлично, – человек в дорогом пальто развернулся и пошел к выходу.

– Спасибо! – успел крикнуть в след Степан Ефимович.

На следующий день случилась авария. В подвале-офисе прорвало трубу. Офис, вместе с мебелью, документами и партией факсов оказался залит водой.

Снег продолжал идти. Мелкая снежная крошка сменилась крупными снежинками.

«Чего вдруг этот гад приснился? – думал Степан Ефимович, тяжело поднимаясь в гору – Все настроение насмарку». Ефимыч, крайне редко вспоминал своего компаньона. Прошедшие года практически полностью стерли его воспоминания о первой фирме. А сегодня вдруг этот сон.

Он идет по старому подвалу-офису по колено в воде. Кругом сыро, холодно как в склепе. Свет дневных ламп мерцает, хаотично выключается и неожиданно вспыхивает. Мерзко. Где-то капает. Вода под ногами противно шуршит. Письменный стол. На нем ночная лампа с зеленым абажуром. За столом Артемьев. Пишет. Ефимыч виновато смотрит на компаньона. Тот поднимает глаза, улыбается и подмигивает. Ефимыч пытается собраться мыслями, но вдруг на столе зазвонил факсовый аппарат. Компаньон снимает трубку, слушает, потому улыбнувшись,

протягивает трубку Степан Ефимовичу. Ефимыч прикладывает ее к уху. В трубке тишина, ни голоса, ни гудка, не даже шипения. Мужчина вопросительно смотрит на Артемьева. Тот продолжает широко улыбаться. Срабатывает приемник факса и из аппарата с жутким скрежетом выходит тонкая белая бумага. Ефимыч в ужасе смотрит на Артемьева. Тот заговорчески ему подмигивает. Из факса медленно вылезает огромный доллар, с кошачьей мордой вместо портрета Вашингтона.

– Подъем, команда, приехали. Давай, давай разгружаемся!

Только сейчас Степан Ефимович замечает у Артемьева на лбу, с лева ближе к виску, красное отверстие. Вокруг отверстия черная, запекшаяся кровь.

– Это не я! – орет во сне Степан Ефимович. – Это не я! Не я!

– Давай, рота, подъем!

Автобус. Снег. Горы. Похмельные рожи коллег.

Глава 5

Из снежной пелены выросли деревянные, наглухо закрытые ворота. От ворот тянулась высокая, в человеческий рост, изгородь.

Артур подошел к забору и заглянул во двор.

– Дома не видно. Ира, куда ты нас привезла? – пошутил молодой человек.

Парень застучал по воротам, и весело закричал.

– Эй, хозяйева! Открывайте дверцы, пришли крутые перцы! Эй!

– Он не слышит, – сквозь частые снежинки можно было разглядеть красный пуховик.

Оля сидела на пеньке под густыми ветками высоченной ели.

Коллеги обернулись. Оля продолжила:

– Игорек, ты самый легкий. Прыгай через забор, разбуди хозяина. Заодно, под крыльцом лопату захвати. Ворота замело.

– Почему «хозяин»? – удивилась Ира. – По телефону я говорила с женщиной. Она обещала встретить, поселить...

– Хозяйка в деревне, – поднимаясь, сказала Ольга. – Разве нормальная женщина в такую погоду останется в горах?

Игорь перелез через ограду и исчез в белой мгле. Несколько минут спустя послышались голоса. Из-за снежной шторы появился силуэт Игоря с лопатой в руках и приземистая фигура хозяина.

– Здравствуйте. А я уже и не ждал вас, – обратился он к гостям. Послышалось лязганье железного затвора. Ворота дернулись. Потом еще раз. С ворот посыпался снежок, но отворятся, они не желали.

– Игореха, кидай лопату, – Славик подошел к забору. Лопата неуклюже перевалилась через забор.

– Вы уж извините, – приговаривал хозяин, – намело за ночь.

Всеобщими усилиями ворота приоткрылись, достаточно чтобы в неширокую щель протиснулся человек.

– Честно говоря, – продолжал хозяин, – я и не думал, что вы приедете. Супруга еще со вчера в деревню уехала. Обещала связаться с вами, уточнить приедете или нет. Ой, осторожно!

Протискиваясь, Татьяна Михайловна зацепилась сумкой за затвор. Высвобождая ее, мужчина не умолкал:

– Говорит мне: «Ты жди до часу. Если не появятся, то спускайся в деревню. А если я до них дозвонюсь, позвоню тебе, скажу что делать». А как же она дозвонится сюда, если связь оборвалась? – тут он тихонько захихикал. – Вот я и дождался. Идемте.

Последним пролез Петр:

– Надо вниз спустится, помочь ребятам с коробками.

– Само собой, дядя Петя, – согласился Славик, – эти скинем и вернемся.

– А в перерыве тяпнем, для согрева, – встрял Вадик. – И с собой возьмем. Ребята там наверняка замерзли.

– Успеется, – спокойно сказал Петр. – Сначала, разгрузимся, поселимся, а потом под пашлычок можно и выпить.

Вадик остановился, пропуская Петра. Поймав на себе его неодобрительный взгляд, парень, обращаясь к Славику, добавил:

– Помоги мне с сумкой, ручка обрывается.

Дождавшись, когда завсклада удалился, Вадик скинул сумку, а коробку подпер коленом. Освободившейся рукой, он ловко открыл ящик. Славик вопросительно на него посмотрел. Вадик подмигнул, достал бутылку водки и погрузил ее в сугроб. Славик приторно заулыбался.

Дом оказался достаточно большим. Добротного вида снаружи и просторный внутри. Два этажа плюс мансарда. Стены стилизованы под деревянный кругляк, черепичная кровля, резные рамы и перила. Над кирпичным дымоходом завлекающее кружился дымок, пронзая морозный воздух домашним ароматом. Дом живописно вписывался в окружающий горный пейзаж. Парадный вход на западной стороне вел через широкую летнюю веранду. На пороге стоял, говоривший без умолку, хозяин.

– Вот это главный, так сказать, вход. С обратной стороны есть еще один, через кухню. А там беседка с мангалом. Сухие дрова под кладкой, ну вы найдете, – хозяин обращался к Степану Ефимовичу, считая его главным. – Банька вон в той пристройке. Дрова у топки. Ну, вы там разберетесь.

Хозяин услужливо пропускал гостей в дом. Каждый, кто заходил, еще на веранде неистово трусили от снега ноги.

– Проходите. Пожалуйста. Я печь растопил. Вот здесь раздевайтесь, вот вешалка, да.

– Коробки куда? – поинтересовался Артур.

– На кухню, ребята. Там холодильник. А если чего не поместятся, можно и в сени, на улице холодно.

Гости понемногу осваивались. Ольга первая сняла красный пуховик и плюхнулась в кресло у окна, лениво наблюдая за происходящим. Катя, сняв куртку, подошла к окну и задумчиво посмотрела на снежный пейзаж. Татьяна Михайловна и Ирина о чем-то шушукались. Мужчины перетаскивали продукты на кухню. Юля, расстегнувшись, копалась в сумке. Достала сигареты и спросила хозяина:

– А где у вас курят?

– С этим извините. Вынужден предостеречь, у нас в доме не курят. Супруга на дух не переносит запах табака. Даже в агентской анкете указала.

– Да, да, – подтвердила Ирина, отвлекшись от беседы, – все помещения для некурящих. Я специально так выбрала.

– Вот видите. Но на веранде можно. Там лавочка есть, столик, пепельница. Двери в дом закрывайте, и курите, так сказать, на здоровье, – хозяин захихикал.

– Да уж, отлично, – Юля кинула недовольный взгляд на Ирину. Та и не заметила недовольства, вернувшись к общению с Татьяной Михайловной. – Катя, идем курить. На мороз.

– Да, пошли, – Катя накинула на себя куртку. Проходя мимо кресла, в котором расположилась Ольга, спросила. – Оля, идешь с нами? Постоишь.

– Не. Я еще не согрелась, – лениво ответила Оля и тут же продолжила, обращаясь к чуть слышно шептавшимся женщинам. – Не стоит об это беспокоиться. Все комнаты четырех местные. Спальня хозяев будет свободной. Там и сможете расположиться в гордом одиночестве, не опускаясь до уровня племса, уважаемая Татьяна Михайловна!

Слово «уважаемая» Ольга произнесла с переваливающимся через край приличия сарказмом. Татьяна Михайловна жестом остановила Ирину и уперлась злобным взглядом в Ольгу. Та, отвечала ей невинным, даже кротким взглядом. Главбух расценила это как насмешку.

– Постарайтесь объясниться, милочка, – сквозь зубы выцедила женщина.

– В чем? – удивлено спросила Ольга.

– Ваш тон более чем неприемлем, – зло продолжила Татьяна Михайловна. – Я никогда никому не позволяю разговаривать с собой в таком тоне.

– Ну? – выждав, спросила Ольга.

– Что «ну»? – переспросила главный бухгалтер.

– Не позволяйте разговаривать с собой в таком тоне ... и что? – продолжила Ольга.

– И вам не позволю! – почти крикнула Татьяна Михайловна.

Окружающие наблюдали за словесной стычкой. Никто не смел вмешаться.

– Уже позволили, – Оля широко улыбнулась.

– Ты что издеваешься? – крикнула женщина
– Что вы, – Ольга положила подбородок на кулачек, внимательно следя за пожилой дамой.
– Что ты себе позволяешь? – Татьяну Михайловну понесло – Соплячка! Возомнила себе!
Издеваться над людьми?! Хамка! Тебе не стыдно!? Посмотрите на нее!

– На себя посмотрите, – невозмутимо парировала Ольга.
– Да как у тебя язык поворачивается?! Я тебе не ... С мамой своей так говорить будешь.
Хамка! – исчерпав запал, Татьяна Михайловна прослезилась и, немного театрально пряча в носовой платок лицо, вышла из комнаты.

– Оля! – осуждающе заступилась Ирина – Уважала бы хотя бы возраст!
– Как ты уважала возраст своей квартирной хозяйки, Иришка? – улыбнулась Ольга.
От удивления глаза Иры расширились.
– Откуда ты знаешь? – спросила она, шагнув к креслу.
– Что знаю, Иришка? – не меняя интонации, спросила Ольга.
– Иришка? – снова удивилась Ирина. – Только она меня так называла? Откуда ты знаешь?
– Знаю, – Ольга продолжала смотреть Ирине в глаза.

Ирина вздрогнула, продолжая молчать. Но, не выдержав взгляд Ольги, направилась за Татьяной Михайловной.

Ольга оглядела присутствующих.

– Вадик, водка мерзнет? – обратилась она к коллеге, застывшему с коробкой в руках.
– В смысле? – рассеянно спросил Вадик.
– В сугробе, – Ольга мило улыбнулась.

Она глазами указала на Славика. Вадик заулыбался ей в ответ:

– А, это. Славентий, идем к дороге, пацанам с барахлом поможем.
– Идем, – обрадовался Славик. Он не любил конфликты.
– Дядя Лёня, – обратилась Ольга к хозяину дома. – Можно вас так называть?
– Безусловно, – приветливо заулыбался хозяин.
– Сделайте мне, пожалуйста, чашку чая с молоком и медом. Я бы и сама, но на кухне,

эта истеричка. Не хватало нам еще инсульта, раньше времени, – Ольга одарила Леонида своей самой очаровательной улыбкой.

– Конечно. Но боюсь что ... – начал дядя Лёня.
– Не бойтесь. Молоко не скисло, – успокоила его Ольга.
– А, хорошо, – подойдя к дверям, хозяин подумал «Откуда она все знает?»
– Мед не забудьте, две ложки! – отвечая его мыслям, крикнула в след девушка.

Степан Ефимович включил телевизор. На экране появилась бело – черная рябь. Мужчина нажимал на кнопки пульта. Картинка на экране не менялась. Разочаровавшись, он выключил телевизор и уселся на стул за обеденным столом.

– Веселуха!

Артур включил радиоприемник на полке над камином. В динамиках зазвучал Джингл Беллс.

– Кстати, – оживился Артур, – сегодня же Рождество.
– Завтра. У католиков. Сегодня канун, – уныло уточнил Степан Ефимович.
– Ну да. Так я ... это, чем же не повод? – Артур постучал себе пальцами по горлу.
– Утро еще, – строго сказал Петр. Но, подумав, добавил. – Я бы тоже не отказался. А,

Ефимыч?

– Хоть остальных дождитесь, – неуверенно посоветовал Степан Ефимович.

Уловив в его тоне сомнения, Петр перехватил инициативу.

– Ха. Игореха, тащи бутылку. И хозяина позови, как его там, Леонид.

Звать не пришлось. Он вошел в гостиную, с огромной дымящейся кружкой.

– Вот, пожалуйста, – сказал хозяин, протягивая Ольге кружку. – Вы уж господа, извините, но дальше сами. Чайник на столе, кружки в серванте.

– Оставь ты чай, – успокоил его Петр. – Иди, мы тебе другого горячительного налили.

– Ой, нет, нет, нет. Мне еще в деревню идти, – запротестовал хозяин, и тут же добавил, – Ну разве чуть-чуть, на дорожку.

Глава 6

Несмотря на то, что уже порядочно намело, вниз спускались быстро. Разглядев через снежную пелену силуэты коллег, Вадик крикнул:

– Ну что замерзли, цуцики?

Николай и Владимир переминались с ноги на ногу, время от времени хлопая себя руками по бокам.

– И не говори. Водку всю забрали, оставили сырой шашлык, – возмутился Вова.

– На, держи, – Вадик протянул бутылку водки. – Грейтесь. Ну и мы с вами.

– Обойдетесь, вы там уже нагрелись, – Вова нетерпеливо схватил бутылку. Замершие пальцы не слушались.

– Дай сюда! – разозлился Николай. Ловкими движением распечатал водку – Будем! – выдохнул и приложился к горлышку.

По очереди друзья зависали в позе горниста. Закурили.

– Твоя там такой цирк устроила. Старая главбухша в слезах, всё, говорит, не уважаете меня, не любите, – рассказал про ссору Вадик.

– Оля? – удивился Николай.

– Ну да. Опустила старуху ниже плинтуса. Все в шоке. А сама, главное, сидит не нервничает, даже ржет.

– Странная она стала, – вступил в разговор Славик. – Я еще офисе заметил. Не орет, не ругает. Даже улыбается. А по коже все равно мурашки. Страшнее генерального.

– А тебе то что? – поинтересовался Вова, – Твой босс – дядя Петя. Но, если баба не в духе, чей косяк? А, Коля?

Все засмеялись. Кроме Николая.

– Никакая она не моя. Послал я ее, – затыкнулся и добавил – Есть же и другие? Я бы Ирке засадил. Давно хочу, а тут горы, воздух, романтика.

– Кстати, – спросил Вова. – вы там наверху девку в мини юбке не встречали?

– Где? В горах? – удивился Вадик. – В мороз? В мини юбке?

– Неважно, – Вова был уверен, в том, что видел Анжелу. Но решил, пусть это останется его секретом. Пока.

– А с Олей что? – спросил Славик Николая.

– Ничто. Надоела. Бери, если хочешь.

– Да нет, я не о том, – засмутился Славик.

– А что? Разведенный же. Флаг в руки, – приободрил коллегу Вадик.

– Разведенный ... – задумчиво произнес Вячеслав.

Семейная жизнь Славика не задалась. Причина, без сомнений, в водке. В залете, в женитьбе и в разводе. Со своей «благоверной» молодой человек, так сказать, познакомился в шаражной общаге – общежитие местного ПТУ. Славик – городской колобродник, с детства в округе знал все и всех, ходы, выходы, гопников, ментов, где чё достать, где чё толкнуть. За это его уважали.

Попойки случались часто, даже слишком. В тот вечер Слава вырубился еще в ДК. Как он оказался в общаге, да еще и на женском этаже не помнил. Вспышки памяти рисовали веселую компанию с гитарой, приличной закуской и танцами в тесной, но аккуратной общажной комнатке. Утром очнулся там же, на пружинной койке. Рядом полуобнаженная девка. Оставив ее досыпать, с похмельной головой отправился на занятия. На выходе из общаги, уже забыл о нескудной ночи, которая ничем не отличалась от многих других таких же.

Через пару недель домой явился участковый, сосед и друг семьи. Слава ужинал. Мама наполнила большую тарелку борща. Без стука и приглашения ввалился дядя Митя.

– Ну что, паршивец, кусок в горло лезет?

– Да, – удивился Слава. – Здравствуйте.

Участковый дядя Митя, сурово посмотрел на парня.

– Митя, да ты садись. В ногах правды нет, – пригласила соседа мать. – Борща налью. С пылу с жару.

– Да какой борщ, Галя. Ты этому засранцу баланды налей, чтобы привыкал, – не отводя от Славы глаз, прогавкал полицейский.

– А что случилось? – спросила мать, насыпая во вторую тарелку. – Сядь, перекуси!

– Что случилось? Сто тридцать первая случилась, от трех до шести. Знаешь, что с такими на зоне делают? – продолжал лаять участковый.

– Какая зона? За что? Да объясни ты толком! – занервничала женщина.

– За что? За групповое изнасилование ...

Следующие дни стали сущим адом. Оказалось, девушка из общаги заявила, что четверо, среди них и Славик, опоили ее и надругались. Мать Славы надела траур – единственный ребенок насильник и зек. Отец влепил сыну пару мощных затрещин, сказав, что больше у него нет сына, и ушел в долгий запой. Но, к счастью или, к сожалению, на первой же очной ставке, где Слава даже не узнал свою «жертву», стало ясно, как «дело закрыть».

– И что теперь? Дуреха моя, одна мучиться будет? – озвучила свою позицию мать «изнасилованной». – Пусть и другие помучаются. Хоть в тюрьме, хоть где, не моя забота.

– Она то, не сильно мучится, – говорила другая женщина, мать одного из «насильников». – Посмотри-ка на нее, юбка короткая, вымя наружу. Ясно, чего ей надо-то.

Девушка, сидевшая рядом с матерью у стола следователя, спрятала глаза в пол.

– Что тебе понятно? Ты сыну то своему объясни, откуда дети-то берутся? Засунуть-то все мастера, – не унималась мать девушки.

– Ты бы своей объяснила. Раздвигает ноги налево и направо. Срамота! Товарищ следователь, ну видно же, давалка она безразборная. Сама же хвост задирает. Без насильничества. А дурашлепов этих в тюрьму? – защищала сына другая мать.

– Сама не сама, а у меня заявление. И дело, – ответил следователь. – Значит, будет суд. Конечно, если полюбовно не разрешите. Сами понимаете.

– А как решить то, товарищ следователь? – с трепещущей надеждой спросила женщина.

– Ну, не знаю. Это уж как вон она скажет, – он кивнул в сторону девушки. – Может денег, может ЗАГС. Не знаю.

– Деньги то ваши, зачем мне? С брюхом дуры этой что делать? Дальше-то как жить? Стыдно. Люди что скажут? – рыдала мать жертвы.

– Не мам, я лучше в тюрьму! – не выдержал один из парней. – чем на конченной женится!

– Я тебе дам тюрьму. Я те такую тюрьму дам! – мать огрела бедолагу оплеухой, такой сильной, что по кабинету пролетел звон его пустой головы.

– Так, а ну-ка прекратили! – строго сказал следователь. – дома разбираться будете. Побоев мне еще не хватало. И вообще, надоело мне это. Отдаю дело в суд. Все. Развели тут юни. Хочу, не хочу.

В итоге, сговорились на четырех тысячах и женихе. Деньги нашлись, а вот с женихом ...

Но жизнь сама, легко и изящно, все разрешила. Женился тот, который не нашел свою тысячу долларов.

Сыграли скромную свадьбу, в доме тестя. Там и остались жить. Первую скрипку здесь играла теща – вредный, склочный, скандальный и своенравный тиран. Даже тесть, будучи в принципе неплохим мужиком, смирился и старался, не обращал внимания на бесконечные замечания, придирки и ворчание супруги. Характер он проявлял исключительно в пьяном

состоянии. Безуспешно пытался «строить жену». Частенько доходило до драк. Миролюбивый Славик, со своим мягким характером, не имел здесь ни прав, ни голоса, ни даже мнения.

Вначале совместной жизни, пьянки были редкостью, на получку, иногда в день аванса. Слава любил выпивать с тестем. Бывалый, неглупый и главное добрый мужик, часами рассказывал о своей службе на флоте. Главное никогда не попрекал, не унижал и не поучал. По правде говоря, больше не с кем было выпивать. Теща с женой облаивали Славу за любые задержки на работе, и уж тем более за «пиво с пацанами». Частенько жена с детской коляской встречала его прямо на проходной. Так, его единственным собутыльником стал тесть. Как-то само собой, попойки стали еженедельными. Начинали с пятницы. Разгонялись пивом, потом водка или самогон. К полуночи отрубались, но лишь для того, чтобы с утра продолжить.

– Угомонитесь уже, черти, – ворчала теща, отмывая в раковине посуду. – Ночь уже, хватит. На завтра чуток оставьте.

– Не тебе меня учить, баба. Я норму знаю! – генералил тесть. – Славка наливай.

Слава послушно разлил по стаканам мутную жидкость.

– Закуски дай! – приказал тесть жене.

– Сам возьми. Ноги что ли отсохли, – ворчала теща.

Тесть попытался встать с табурета. Если не стена, рухнул бы на пол. Так, по стене, он медленно сполз обратно на табурет.

– Ой, ой нализался, алкаш. Тьфу! – причитала теща. – Слава, возьми в тумбочке, открой банку огурцов.

– Слава сиди, – пьяно пробурчал тесть.

– Да ладно, дядя Гриша, сейчас сделаем, – Слава встал, тоже сильно качаясь.

– Славка, а? Сколько раз тебе говорить, он тебе не дядя, а папа, – встряла теща – Какой же он тебе дядя?

– Да, – важно добавил тесть.

– Я же говорил. Мама и папа у меня одни. Других называть так не могу, – оправдался Слава, заплетающимся языком.

– Ай-ай-ай, бесстыдник! Это мы-то чужие люди? – пристыдила его теща.

– Да, – многозначительно вставил тесть.

Теща, доставая из тумбочки банку огурцов, продолжила нравоучение:

– Приютили, кормим, поим, стираем, ухаживаем. А ты? Чужие люди. Ай-ай-ай! – теща выуживала из банки огурцы и клала их на разделочную доску.

– Я не сказал чужие, – предпринял еще одну попытку Слава. – я сказал другие.

– А какая разница? Родители то твои не другие? Тебя вон бросили, забыли. А внуку? Хоть бы раз гостинца принесли! Так, как бы и не их внук вовсе?

– Да, – буркнул тесть.

– Может и не их, – неосторожно сказал Слава.

– Как не их то? Ты своего ребенка-то видел, и на себя-то в зеркало посмотри, – объясняла теща. – На, нарезать сможешь? – отодвинув бутылку самогона, теща плюхнула перед мужем доску с ножом и огурцами.

– О! – обрадовался тесть и взял нож. – Славка, чего ждешь? Поливай. Смотри, какая закуска.

Слава наполнил стаканы. Тесть кое-как нарезал огурец и раздраженно кинул нож на стол.

– Так пойдет. Давай.

Выпили.

– А ты-то зятек, не такой простой, как кажешься, – не унималась теща. – Живешь здесь, пользуешь, вон выпиваешь, а у самого-то камушек за пазухой.

– Какой камушек? – удивился Слава.

– Такой вот. Неблагодарный ты. Мы тебе дочь отдали. Помогаем. А ты-то зло держишь, – говорила теща, угрожая подперев бока руками. – Да если на то пошло, то и от тюрьмы тебя спасли.

– Так сами же и хотели закрыть, – огрызнулся Слава. Взял бутылку и налил еще по стакану самогона. – Давайте! – обратился он к тестю, но тот, опустив голову, уже сопел.

– Мы тебя спасли, дурень. Кто со следователем договорился, а? Кто денег то собрал? Родители твои палец об палец не ударили. Бросили тебя. А я за тобой как за сыночком родным. А ты? Эх, бесстыжий.

– Дочка ваша бесстыжая. Давала всем подряд, как ведром. А я крайним оказался, – заплетаясь языком сказал Слава.

– Ах ты, поганец! Дочка моя ему не нравится. Как издеваться-то над ней всем хором, пожалуйста, – теща ножом пересыпала огурцы в тарелку. – Она тебе такого ребеночка родила, любовью лаской окутала. И мы к тебе как к родному. А ты? Неблагодарный. Поросенок ты, засранный.

Слава встал. Все кружилось и болталось как при качке.

– Еще тогда в милиции надо было-то отрезать тебе женилку, – отчитывать его теща. – Зачем тебе женилка? Думали мужик ты. Думали, любишь жену, сыночка, нас. А ты что? Поросянок ты, а не мужик.

Слава пошатнулся. Чтобы не упасть схватился за тещину руку, в которой она держала нож. Женщина, решив, что зять пытается отобрать тесак, попыталась освободиться. Подняла локоть вверх и, что было сил, потянула руку на себя.

– Что ты творишь-то? Дай сюда, доходяга малахольный.

Тут чувство равновесия окончательно подвело Славика, и он, покачнувшись, выпустил руку тещи. Лезвие длинного кухонного тесака блеснуло молнией, и через мгновение оказался наполовину воткнуто в левую глазницу женщины. Тотчас ее тело рухнуло на пол. Качаясь, Слава посмотрел на бездыханное, лежащее на полу тело, с торчащим из глазницы кухонным ножом. Не было ни сожаления, ни сострадания, ни испуга. Ни даже радости, ни горя, ни злости. Пьяное безразличие. И сильное желание спать.

– Сука, – сказал напоследок Слава и отправился спать.

Его разбудил крик жены. Голова сильно болела, во рту был привкус ослиной мочи. Неохотно он прошел на кухню. Увидев тело тещи, память неохотно нарисовала обрывки воспоминаний. Слава испугался. Он поднял глаза. На застывшем в ужасе лице жены, кроме страха, был немой вопрос. Пересохшим языком Слава произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.